

197 ЛЕТ НАЗАД РОДИЛСЯ АЛЕКСАНДР ПУШКИН

«ВЕРЬ ТОЛЬКО СЕРДЦУ МОЕМУ...»

Труд - 1996 - Кишиневский роман поэта Бюхня - с 4

Если перед чарами мифической Калипсо не устоял сам Одиссей, прельщенный божественным пением нимфы, то соименная ей реальная особа, также не лишенная вокальных данных, пленила сердца сразу двух великих поэтов. Пушкин был вторым. Приехав в Бессарабию в сентябре 1820 года, он, молодой повеса, привыкший к шумному столичному житью, испытал поначалу жесточайшую хандру.

Тоску навевало буквально все, что окружало поэта в большой деревне, каковой на самом деле и был тогда Кишинев. Мог ли думать будущий гений русской и мировой литературы, что столь уныло и безысходно начнется плодотворнейший, наполненный двор страстями период его творчества... Период бурных увлечений и большой романтической любви.

Первые месяцы своей южной ссылки Пушкин проводит в домишке купца Наумова. Под низкими сводами покосившейся от времени хижины, сорным грибом выросшей из земли посреди бывшего турецкого караван-сарая, он сочиняет свою знаменитую «Черную шаль».

«...Погибла гречанка, погибла любовь». Пути поэта и прекрасной гречанки к этому времени пока не пересеклись. На рабочем бюро Пушкина, где писались эти строки, стояло изображение Байрона. Он был в ее жизни первым...

Летом следующего 1821 года вспыхивает антиосманское восстание. Руководит повстанцами блистательный русский генерал, потомок молдавских господарей Александр Ипсиланти. В первых двух сражениях на земле Молдавии войска греческих повстанцев терпят сокрушительное поражение и панически отступают. Вслед за ними срывается с насильственных мест все мирное население.

Яссы стремительно пустеют, зато Кишинев растет день ото дня, как на дрожжах. За полгода число его жителей утраивается за счет греческих беженцев. «Деревня» на глазах превращается в город, обретает некий даже светский лоск. Одной из беженок была Калипсо Полихрони, дочь гадалки. Молва гласила, что в пятнадцать лет она была любовницей Джорджа Гордона Байрона — с ней он сошелся во время своей краткой остановки в Константинополе в 1818 году. Ходили слухи, что это мать привораживала к своей дочери знатных ухажеров. Усевшись в старинное кресло, она брала в руки белый прут, надевала на голову черную бархатную шапочку, испещренную каббалистическими знаками, и начинала в буквальном смысле бесноваться. Объект страсти после вмешательства «посторонних сил» становился покорным их воле. Говорили, что так в сети Полихрони попал пылкий и восторженный Пушкин.

Последнее утверждение наверняка являлось досужей выдумкой. Калипсо была чертовски хороша и своеобразна: густые черные волосы, красивый овал лица с большими огненными глазами. Природа, как свидетельствовала кишиневский знакомый Пушкина цензор Филипп Вигель, захотела «с бедняжкой сыграть злую шутку, прилепив посреди приятного лица ее большой ястребиный нос» но, несмотря на это, она многим нравилась, а Александру Сергеевичу в особенности. Немаловажно было и то, что она была возлюбленной Байрона, музой которого Пушкин был тогда увлечен. В письме Яв-

земскому от 5 апреля 1822 года Пушкин, приглашая своего старинного друга в Кишинев, обещает познакомить его с «гречанкой, которая целовалась с Байроном».

С первого дня знакомства с Калипсо, Пушкина почти каждый день видят в обществе обольстительной куртизанки. Они гуляют в тихих уголках сада, нередко встречи происходят в глинобитном домишке из двух комнат, где посели-

лись после бегства из Ясс мать и дочь Полихрони. Пушкин, мастер на всевозможные выдумки, балагур и затейник, в присутствии Калипсо чаще молчит, чем говорит, с интересом слушает как она поет турецкие и греческие песни. Поэт посвящает ей стихотворение «Гречанке», начинающееся словами «Ты рождена воспламенить воображение поэтов...» — в этом гимне любви, есть и боязнь неверности, и далекая Греция, и все тот же вездесущий Байрон — его Пушкин называет здесь «певцом Лейлы». Нет, Александру Сергеевичу явно льстило, что до него у юной гетеры был «сам» лорд-поэт. Позже, накануне неизбежного расставания, он напишет еще одно стихотворение «Иностранке», в котором клянется Калипсо в вечной любви и делеет надежду на взаимность:

На чуждые черты взирая,
Верь только сердцу моему,
Как прежде верила ему,
Его страстей не понимаю.

Влюбленные не понимали языка друг друга и объяснялись в основном жестами. Будущий румынский писатель Константин Негруцци — тогда ему было всего четырнадцать лет, — застал как-то великодушную парочку гуляющей в саду и довольно подробно описал впоследствии эту встречу в цикле рассказов-писем «Черным по белому». Маленькая и хрупкая гречанка оказалась тогда юноше весьма статной дамой, на голове Пушкина была феска. Поэт постоянно устраивал маскарады с переодеванием. То наденет южнославянский национальный костюм, то молдавский. Так и отвечает всем, кто его спрашивает:

«Что это с вами сегодня, Александр Сергеевич?» — «А сегодня я серб!» (или: «Я сегодня молдаванин!»). В день знакомства с Негруцци он был турком. Молодой человек пожелал выступить посредником в общении Пушкина и Калипсо. Гречанка знала румынский и греческий, поэт же владел русским и французским, и еще мог изъясняться на многих языках, среди которых этих двух не было. Константин Негруцци пытался говорить с ним на языке Вольтера, но занятие это довольно быстро наскучило Пушкину, и он стал поправлять ошибки в речи юноши. «Двадцатидвухлетнему поэту и восемнадцатилетней куртизанке не много нужно, чтобы понять друг друга», — напишет Негруцци много лет спустя.

Переводчика из недоросля Константина не вышло, но он прикипел душой к поэту и его избраннице. Вскоре после этой встречи

он уехал, а когда вернулся, Пушкина в Кишиневе уже не было.

1824 год богат событиями. 19 апреля в западногреческом городе Миссолонги, осажденном османскими войсками, умирает от простуды 36-летний Байрон. Происходит это на фоне драматических потрясений. Из-за амбициозности греческих полководцев на Пелопоннесском полуострове вспыхивают подряд две братоубийственные гражданские войны. Пушкин в это время переезжает в Одессу. Срок его «южной ссылки» истекает. В Кишинев он заедет лишь однажды по пути из Одессы в Михайловское. Поэт больно переживает и смерть своего кумира, и недальновидность греческих полководцев. И еще он не может забыть прекрасные огненные глаза Калипсо. О ее судьбе он так уже никогда ничего и не узнает...

Константин Негруцци (и он, вне всякого сомнения, был влюблен в гречанку) много лет спустя напишет романтическую историю последних дней прекрасной девы. По

его версии в ноябре 1824 года в ворота монастыря на севере молдавского княжества постучался изнеможенный от долгих странствий юноша. Он был необычайно привлекателен, и даже большой, как у ястреба, нос его не портил. Игумен определил новичка в послушники к отшельнику, который жил вне монастырских стен в горной пещере. Три года он провел там «с прелекой покорностью и смирением». Но однажды старец, войдя в его келью, увидел, что он мертв. На груди юноши нашли записку: «Провинилась я, господи! Грешна! Недостойна взора поднять к небу! Да превозможет твое милосердие великую мою вину. Боже, прости и помилуй грешницу Калипсо».

Да, под монашеским мужским одеянием скрывала свою грешную плоть прекрасная гречанка. В том монастыре было принято сохранять черепа всех, кто находил здесь последнее пристанище. Посетителям и по сей день показывают в катакомбах череп греческой гетеры, на котором написано три слова: «Гречанка, дева Калипсо».

Научная же версия смерти Калипсо Полихрони куда более прозаична — умерла в Одессе от чахотки. Противники романтического конца гречанки никогда не вменяли в вину Негруцци то, что он так приукрасил действительность. Его упрекали в другом. В год смерти поэта он перевел на румынский язык несколько стихотворений Пушкина как раз периода кишиневской ссылки и довольно вольно их прокомментировал. Всю жизнь писатель был уверен, что стихотворение «Черная шаль» с ее кровью, слезами и любовью посвящено Калипсо Полихрони. А между тем написано оно за год до встречи. В нем Пушкин продемонстрировал свой дар предвидения, фактически предсказав свою бурную любовь к гречанке, имя которой — в его знаменитом «донжуанском списке».

А вообще, полагают некоторые исследователи, если сказать по правде, он здорово над всеми посмеялся. «Черная шаль» — это никакое не любовное стихотворение, а пародия на поэтические сюжеты того времени, где на фоне мелких страстишек кровь льется рекой. На блестящую улыбку поэта клюнули многие. В их числе — популяризатор творчества Пушкина в Румынии Константин Негруцци. А известный русский композитор Алексей Верстовский позже написал на стихи музыку, создав один из наиболее популярных романсов.

Прекрасной Калипсо Александр Сергеевич посвятил не только два упомянутых стихотворения. Однажды он изобразил ее на полях рукописи. Рисунок понравился ему самому. Он даже поставил под ним дату — 26 сентября 1821 года, — что случалось с ним крайне редко. Сегодня портрет гречанки хранится в Пушкинском доме Академии наук.

Александр ТХОРОВ,
КИШИНЕВ.

● Рисунок А.С.Пушкина.